

УДК 323.26

Волынчук Андрей Борисович

*Дальневосточный федеральный университет
Владивосток, Россия*

Соловченков Сергей Александрович

*Институт комплексного анализа региональных проблем ДВО РАН
Биробиджан, Россия*

Социальная напряженность и протестная активность в контексте анализа социальной безопасности

Представлены результаты исследования социальной напряженности и протестной активности населения шести регионов России. В основу положены материалы социологического опроса. Выявлены закономерности, определяющие интенсивность и характер протестных настроений.

Ключевые слова и словосочетания: *социальная безопасность, конфликтная ситуация, протестная активность, формы протестного поведения.*

Социальная безопасность региона как некоторая обобщенная концепция теоретических и прикладных социологических исследований в последнее время приобретает все большую актуальность. Фактор сохранения стабильности, обеспечения нормального функционирования регионального социума становится все более и более значимым. В силу сложности данного концепта, неполной его проработанности в отечественной науке и практически полного отсутствия зарубежных теоретических аналогов: назрела необходимость в тщательнейшем его изучении, приведении существующих гипотез к единому (либо схожему) пониманию социальной безопасности.

Современное российское общество, находящееся в стадии формирования новой системы социальных, политических и экономических институтов, оказалось в ситуации, когда наблюдается лишь частичное функционирование механизмов снятия социального напряжения и устранения протестной активности. Государство до сих пор не сформировало адекватные механизмы обратной связи от социальных систем, социумов. В связи с этим невозможность использования институциональной системы трансляции в адрес государства причин социальной напряженности приводит к тому, что протестная активность возрастает и замыкается

в своем выходе на региональном уровне, реализуясь в различных формах социальной, политической, экономической и психологической девиации.

Данная статья является попыткой выявления ряда факторов, определяющих возникновение социальной напряженности и протестного поведения. Авторы исходят из того, что современное общество признает право личности на инакомыслие и даже на протестное поведение [1].

Исследование, положенное в основу статьи, проведено в форме социологического опроса, охватившего 4200 респондентов в шести регионах России: Ставропольском крае, Калининградской области, Алтайском крае, Красноярском крае, Новосибирской области, Республике Бурятия. Регионы отбирались по социально-экономическому, социально-демографическому, территориальному и отраслевому критериям.

Методологической основой проводимого исследования послужили институциональная концепция функционирования общества, конфликтологический подход, предложенный Максом Вебером, мобилизационный подход, разработанный Чарльзом Тилли.

Взяв за основу определение безопасности, данное В. Серебрянниковым [7], можно следующим образом сформулировать понятие социальной безопасности: это состояние защищенности социума от внешних и внутренних опасностей и угроз, способных погубить его, лишить фундаментальных материальных и духовных ценностей, нанести ущерб, закрыть путь для выживания и развития.

Если опираться на определение, предложенное Р.Г. Яновским [9], социальная безопасность представляет собой наличие объективных и субъективных условий и факторов, обеспечивающих нормальную жизнедеятельность социума и его способность противостоять неблагоприятным внешним и внутренним разрушительным воздействиям и влияниям, сохранять свою целостность и способность к воспроизводству, а также устойчивость своего развития.

Два предложенных определения, не противореча друг другу, тем не менее, в некоторой степени разнятся. Если подход Серебрянникова опирается на конституирование некоторого статичного состояния, при котором отсутствуют угрозы, то Яновский скорее рассматривает динамическое состояние обеспечения нормальной жизнедеятельности социума. На наш взгляд, наиболее рациональным является комплексное использование предложенных определений, при котором мы сможем учесть как функционально-структурные элементы, обеспечивающие в динамике сохранение социума, так и фиксированный срез нормального состояния социума (т.е. при отсутствии рисков или угроз).

Количество факторов, которые в той или иной степени влияют на социальную безопасность, достаточно велико, и разные исследователи существенно различают их по составу и значимости. Не вдаваясь в дискуссию

по данному вопросу, нам хотелось бы сослаться на определение В. Серебрянникова и А. Хлопьева, предложивших некоторый набор институциональных элементов, входящих в понятие «социальная безопасность».

В соответствии с ним элементами социальной безопасности являются «определенные состояния социальных отношений по поводу политики, экономики, духовно-нравственной жизни, как то: гражданский мир и согласие; политическая система, власть, законы и политика, соответствующие историческому выбору народа, выражающие и осуществляющие его волю; жизнь, здоровье, права и свободы человека; справедливое распределение собственности и доходов; эффективные системы стимулирования труда, государственного регулирования экономики; инфраструктуры жизнеобеспечения людей; системы социального обеспечения и защиты нуждающихся в помощи и поддержке государства; институты социализации человека и ограждающие его от опасностей» [7].

В процессе своего развития социум региона неизбежно сталкивается с рядом проблемных ситуаций, которые могут носить как деструктивный, так и конструктивный характер. Проблемные ситуации деструктивного характера в своем развитии становятся угрозой нормального функционирования социума и требуют скорейшего решения и тщательнейшего изучения. Накопление социальных угроз, рисков приводит к нарастанию социальной напряженности и, потенциально, к росту протестной активности населения региона.

Сегодня анализ данного феномена признается одним из наиболее важных аспектов изучения и прогнозирования развития общества и предупреждения социальных конфликтов.

Приняв за основу дефиницию В. Руковишника и внося в нее некоторую авторскую интерпретацию, можно сказать, что социальная напряженность выражает определенное состояние социальных групп, их неудовлетворенность существующим положением, отношение к происходящему и к другим группам [6].

Нельзя утверждать однозначно, что социальная напряженность и протестное поведение как реакция социума на накопление социальных рисков однозначно является отрицательным явлением [5]. В нормально развивающемся социуме протестная активность является одной из форм выражения социальных, политических и экономических требований. Именно в процессе разрешения конфликтогенных ситуаций, порожденных накоплением социальных рисков, реализуется организационная способность власти как политического института воспринимать исходящие от социума сигналы и отзываться на них адекватным образом.

Т. Умбеталиева, анализируя роль социальной напряженности в процессе становления гражданского общества, так же дихотомично подходит

к ее оценке. Она утверждает, что в жизни современного общества социальная напряженность имеет двоякую направленность:

1) негативную, когда на основе неудовлетворенности части населения своим положением социальная напряженность вызывает социально-политическую дестабилизацию в обществе;

2) позитивную, когда социальная напряженность подталкивает определенные группы населения к осуществлению активных действий в поисках решения сложных социальных проблем [8].

Реализация любого из предложенных сценариев может происходить либо с нарастанием социальной напряженности, резким скачком уровня протестного поведения всех возможных форм и перерастанием в социальный конфликт, либо с активизацией деятельности института социальных представительств и разрешением конфликтной ситуации на уровне региона, государства. При этом можно сделать вывод, что социальная напряженность и протестная активность населения, которая не принимает открыто враждебного характера по отношению к каким-либо внешним социальным и политическим объектам, является скорее положительным явлением для государства и региона при условии адекватного функционирования институтов трансляции причин социальной напряженности.

В современной российской реальности сложно утверждать, что институты социальных представительств, то есть те самые механизмы трансляции от социума к власти, работают адекватно или хоть в какой-либо степени удовлетворительно.

В подобной ситуации, с точки зрения Чарльза Тилли, одного из основоположников мобилизационного подхода, протестная активность¹ начинает развиваться как средство мобилизации групповых ресурсов в том случае, когда у населения отсутствуют институциональные формы выражения своего мнения либо когда власти выступают с решениями, ухудшающими положение людей [4].

Протестную активность мы понимаем как некое, достаточно разнообразное по форме, выражение протестного потенциала. Часто общее понятие «социальный протест» относится к характеристике явлений, различных по своей массовой базе, социально-классовому облику, силе, интенсивности, специфике возбуждающих их факторов [2].

Пытаясь сформулировать общую дефиницию протестного потенциала и протестной активности, мы пришли к следующему: под протестным потенциалом мы понимаем склонность граждан участвовать в протестных

---

¹ В оригинале Ч. Тилли использует понятие «социальное движение». В силу того, что и социальное движение, и протестная активность есть суть одного проявления борьбы населения за свои права и образ жизни, мы позволили себе условно отождествить эти два понятия.

акциях при определенных условиях; а под протестной активностью – вовлеченность граждан в различные формы протестной активности.

На уровень протестного потенциала помимо субъективного недовольства ситуацией влияет способность субъектов к концептуализации социальных и политических отношений и неудовлетворенность деятельностью органов власти. При этом замечено, что чем больше факторов, влияющих на формирование протестного потенциала, «работают» одновременно, тем выше его уровень.

Среди всей совокупности протестных явлений, на наш взгляд, можно выделить три большие группы: политические, экономические и национально-этнические. Рассматривая эти формы протеста как условно обособленные, можно определить, что чаще всего они возникают по причине трансформации представлений населения о базовых ценностях. Так, политический протест возникает как вызов современному содержанию политической власти, характеру и условиям доминирования отдельных социальных групп, существующим сферам влияния. Социальный протест – это ответ на ухудшение качества жизни населения, связанное со снижением средств жизнеобеспечения, уровня заработной платы, недостаточным использованием профессионального и интеллектуального потенциала регионального социума, повышением уровня цен на различные блага, реального доступа к материальным и иным ресурсам. Этнический протест – это реакция этнических и национальных групп на ущемление их политических и экономических прав и интересов. Зачастую этот протест сопровождается статусными и территориальными притязаниями [3]. Несмотря на то, что каждая форма протеста имеет четкий идентификационный аппарат, тем не менее, не стоит их рассматривать изолированно друг от друга. Они должны восприниматься вместе как пересекающиеся плоскости, формирующие социальный протест как единую систему социальной безопасности регионального социума, в которой каждый структурный элемент/процесс является своеобразным катализатором развития другого.

Понятия протестного потенциала и протестной активности неразрывно связаны с понятием «социальный конфликт». Именно практическое воплощение протестных настроений, как правило, является причиной актуализации конфликта, перехода его из латентной в активную фазу. Протест сопровождает конфликты как форма выражения претензий сторонами друг к другу, обозначая предмет конфликта. Именно в силу того, что социальный конфликт, войдя в стадию своего апогея, становится крайне устойчивым и тяжело устранимым явлением, разрешение ситуации на стадии формирования протестного поведения становится основной формой сохранения состояния безопасности для регионального социума.

Используя для анализа материалы социологического исследования, проведенного на базе Алтайского государственного университета (г. Барнаул) мы попытались выявить существующий протестный потенциал исследуемых российских регионов (табл. 1). Если принять за протестный потенциал готовность населения участвовать в митингах и забастовках с применением оружия, то современный протестный потенциал можно оценить в 18 %. Это те люди, которые уже сейчас изъявили готовность принять активное участие в акциях протеста. Стоит отметить, что примерно половина из них (49%) – это люди, которые для решения проблем собираются активно применять силовые методы вплоть до оружия.

Таблица 1

**Доля лиц, высказавших готовность
принять участие в акциях протеста**

Регион	Доля населения с протестным настроением, %	Из них:	
		согласны применить насилие и оружие, %	уже принимали участие в акциях протеста, %
Алтайский край	21	12	18
Калининградская область	17	5	12
Красноярский край	21	13	12
Новосибирская область	15	7	18
Республика Бурятия	18	8	25
Ставропольский край	20	10	13

По регионам картина с уровнем протестного поведения несколько различается. Анализируя табл. 1, с некоторой долей вероятности можно утверждать, что в большинстве регионов, в которых проходило обследование, протестное настроение имеет тенденции к росту. Только два региона – Новосибирская область и Республика Бурятия – показали снижение протестного настроения, т.е. в момент опроса количество граждан, согласных принять участие в протестных мероприятиях, уменьшилось.

Нами была предпринята попытка создания обобщенного портрета человека, склонного к протестной активности. Это мужчина, проживающий в городе, имеющий высшее либо среднее образование и, как правило, бездетный. Данная категория имеет наибольшую склонность к активному выражению своего мнения, готова к применению насилия с использованием оружия и использованию ресурсов криминального мира.

Если детально рассмотреть склонность к разным формам протеста, мы получим примерно следующую картину. Мужчины при большей степени проявления протестного поведения в большей степени склонны ре-

шать проблемы силовым путем. Женщины, в свою очередь, в значительной степени готовы использовать более мирные методы разрешения конфликта. Как видно из табл. 2, они отдают предпочтение митингам, демонстрациям и забастовкам, то есть тем инструментам протестной активности, которые либо совершенно не связаны с силовыми акциями, либо связаны с ними в минимальной степени. В значительно меньшей степени они расположены к открытому противостоянию с использованием оружия.

Таблица 2

Гендерное распределение вариантов протестной активности

Гендер	Буду участвовать в забастовках, %	Возьмусь за оружие, %	Буду участвовать в митингах и демонстрациях, %
Мужской	17,3	59,5	23,2
Женский	30,4	31,0	38,6

Довольно интересной особенностью, с нашей точки зрения, является тот факт, что наличие детей довольно слабо влияет на выбор формы протестного поведения (табл. 3). Если исходить из предположения, что силовые акции протеста с применением насилия априори являются более опасными для жизни участников, довольно странной выглядит ситуация, при которой люди, не имеющие детей, и люди, имеющие одного-двух детей, в равной степени готовы принять в них участие.

Таблица 3

Виды протестного поведения в зависимости от количества детей

Критерий отбора	Буду участвовать в забастовках, %	Возьмусь за оружие, %	Буду участвовать в митингах и демонстрациях, %
Нет детей	23,5	46,7	29,8
Один ребенок	19,6	48,5	31,9
Двое детей	24,4	48,9	26,7
Трое детей и более	19,6	56,5	23,9

Еще более парадоксальной является ситуация при которой люди, имеющие большое количество детей, трех и более, отдают предпочтение именно силовым акциям. Однако если исходить из предположения, при этом не слишком обоснованного, что увеличение количества детей степени оказывает влияние на необходимость значительно быстрее и кардинальней решать социальные и экономические проблемы, все становится более или менее понятно.

Еще одним достаточно неоднозначным выводом является то, что уровень образования также практически не влияет на выбор формы протеста (табл. 4).

Таблица 4

Влияние уровня образования на выбор формы протестного поведения

Образование	Буду участвовать в забастовках, %	Возьмусь за оружие, %	Буду участвовать в митингах и демонстрациях, %
Ниже среднего	22,9	50,0	27,1
Среднее, средне-специальное	23,6	45,6	30,8
Неполное высшее и высшее	20,9	50,6	28,5

Незначительные отклонения в сторону понижения склонности к силовым методам решения социальных проблем наблюдаются в группе людей имеющих среднее и средне специальное образование. Они же чуть более активно склонны участвовать в более мирных вариантах социального протеста. Нам не удалось найти какого-либо приемлемого объяснения тому факту, что люди с высшим образованием и имеющие общее среднее образование примерно одинаково склонны к использованию силовых акций протеста.

Таблица 5

Проявление протестного поведения в зависимости от типа населенного пункта

Тип населенного пункта	Буду участвовать в забастовках, %	Возьмусь за оружие, %	Буду участвовать в митингах и демонстрациях, %
Жители города	21,2	48,3	30,6
Сельские жители	26,6	47,2	26,2
Жители поселков городского типа	6,7	73,3	20,0

В то же время распределение видов протестной активности по типам населенных пунктов выявило определенную закономерность, связанную с тем, что жители поселков городского типа в меньшей степени склонны использовать относительно мирные методы социального протеста (табл. 5). Лишь около 27% из них высказались, что в качестве метода протеста будут использовать митинги, демонстрации или забастовки. Подавляющее большинство жителей ПГТ склонны к применению силовых методов протеста.

Влияние профессиональной принадлежности на выбор протестного поведения

Сфера деятельности	Буду участвовать в забастовках, %	Возьмусь за оружие, %	Буду участвовать в митингах и демонстрациях, %
Промышленность	24,2	50,0	25,8
Строительство	14,5	63,8	21,7
Транспортно-дорожный комплекс	24,5	54,7	20,8
Связь и информатизация	23,1	38,5	38,5
Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство	28,0	56,0	16,0
Торговля, общественное питание, сбыт, заготовки	20,3	58,2	21,5
ЖКХ и быстрое обслуживание	28,1	40,6	31,3
Образование, наука	30,4	35,7	33,9
Здравоохранение, физкультура	7,7	38,5	53,8
Культура и искусство	33,3	16,7	50,0
Социальное обеспечение и пенсионное обслуживание	0	66,7	33,3
Финансы, кредит и страхование, банковская деятельность	11,1	77,8	11,1
Государственное и муниципальное управление	22,2	50,0	27,8
Вооруженные силы, правоохранительные органы, МЧС	14,7	58,8	26,5
Средства массовой информации	25,0	25,0	50,0

Анализ по профессиональной принадлежности также дает нам достаточно интересный материал для размышления. Как видно из табл. 6, наиболее «миролюбивыми» оказались работники пяти сфер.

Это по степени возрастания протестной активности: работники культуры, средств массовой информации, образования и науки, здравоохранения и связи. В большинстве своем представители указанных профессий меньше остальных высказываются о том, что они согласны использовать силовые методы решения, а также в значительной степени они не согласны принимать участия в забастовках как наиболее жесткой ненасильственной форме социального протеста.

В разряд наиболее «агрессивных» отраслей попали представители таких профессий, как строители и, как это ни парадоксально, работники социального и пенсионного обеспечения, финансовой и страховой сферы. Вообще стоит отметить, что за исключением первой описанной группы, то есть наиболее «мирных» профессий, остальные профессиональные

группы относительно слабо отличались друг от друга. Столь же неоднозначную картину мы получаем при попытке выяснить, как проявляют протестную активность люди с разной степенью субъективной защищенности (табл. 7).

Таблица 7

Влияние субъективной безопасности на выбор протестного поведения

Степень субъективной защищенности	Буду участвовать в забастовках, %	Возьмусь за оружие, %	Буду участвовать в митингах и демонстрациях, %
Полностью ощущаю себя в безопасности	26,2	55,4	18,5
Скорее ощущаю себя в безопасности	18,5	48,6	32,9
И да, и нет	24,9	45,6	29,5
Не очень ощущаю себя в безопасности	23,1	45,2	31,7
Совсем не ощущаю себя в безопасности	18,9	53,8	27,4

Как видно из представленной таблицы, чуть большую готовность к протестным акциям с применением насилия демонстрируют люди с крайними уровнями ощущения безопасности, т.е. полностью ощущающие себя в безопасности и совершенно не ощущающие себя в безопасности. Люди, склонные к неуверенным ответам, проявляют меньшую готовность к силовым акциям. Для них же более приемлемым способом проявления протестного поведения является участие в митингах и демонстрациях.

В точности такая же ситуация повторяется и с ощущением собственной защищенности от разных угроз.

Полученная нами в процессе анализа картина являет собой весьма фрагментарный и порой неоднозначный результат. Та часть населения, которая содержит элементы протестного поведения, не может быть в полной мере идентифицирована. Это люди разного социального, семейного, профессионального положения. Они неодинаково оценивают свою безопасность и защищенность от разных типов угроз. При этом у них нет какой-либо стержневой характеристики, которая позволила бы сказать, почему значительная часть людей, склонных к протестному поведению, готова апеллировать к силовым или мирным методам протеста.

В завершение нам хотелось бы представить анализ степени участия населения в каких-либо социальных, экономических или политических акциях. Как видно из табл. 8, наибольшую склонность к насилию как форме социального протеста высказывают люди, которые практически никогда не принимали никакого участия в жизни регионального социума.

По результатам исследования к таковым относятся 69% от общего числа лиц, высказавших готовность к каким-либо акциям протеста.

Таблица 8

Соотношение реальной и потенциальной протестной активности населения

Степень участия	Буду участвовать в забастовках, %	Возьмусь за оружие, %	Буду участвовать в митингах и демонстрациях, %	% от общего числа ответивших
Никогда	20,9	56,2	22,9	69
Крайне редко	25,9	32,2	42,0	18,4
Редко	25,4	32,8	41,8	8,6
Часто	30,4	13,0	56,5	3
Всегда	11,1	55,6	33,3	1

Второй группой проявляющей наибольшую склонность к силовым методам решения проблемы, относятся люди, весьма активно участвующие в жизни регионального социума, но таких в результате исследования выявлено только 1%.

Социальная безопасность региона как общетеоретическое и методологическое понятие в современной социологической науке разработано недостаточно. Существует множество подходов к определению данного понятия, к методам его изучения, и нахождение какого-либо общего основания для дальнейших исследований продолжает оставаться насущной проблемой.

Социальная напряженность, выражающаяся в некоторой готовности населения принять участие в акциях социального протеста, в современном обществе может быть идентифицирована как достаточно высокая. Однако воплощения в реальность данный показатель не имеет в силу того, что большинство опрошенных не готовы практически реализовывать свои протестные настроения. Вся социальная напряженность, выявленная нами, носит скорее потенциальный характер, который может реализоваться только вследствие сильнейшего социального потрясения.

В следствие невыраженности социальной напряженности идентифицировать субъекта протестного поведения, т.е. создать его законченный социальный портрет, пока не представляется возможным. Тем не менее, решение этой задачи, по нашему представлению, является основополагающим условием формирования устойчивой социальной безопасности как во всей стране, так и в ее отдельных регионах.

---

1. Бубнов Ю. Протестное движение и права человека: социологический очерк экстремизма [Электронный ресурс] / Ю. Бубнов. Режим доступа: <http://zharinov.wallst.ru>.

2. Вайнштейн Г.И. Массовое сознание и социальный протест в условиях современного капитализма / Г. И. Вайнштейн. – М.: Наука, 1990. – 167 с.
3. Волынчук А.Б. Лебедь, рак и щука как модель социально-экономического развития Дальневосточного региона / А.Б. Волынчук, А.П. Крепский // Политическая наука / РАН ИНИОН. – М.: ИНИОН РАН, 2011. – № 4. – С. 144 – 161.
4. Гидденс Э. Социология / Э. Гидденс; пер. с англ.; науч. ред. В. А. Ядов; общ. ред. Л. С. Гурьевой, Л. Н. Посилевича. – М.: Эдиториал УРСС, 1999. – 703 с.
5. Головаха Е.И. Потенциал протеста украинского общества / Е.И. Головаха, Н.В. Панина // Социологические исследования. – 1991. – № 10. – С. 31 – 40.
6. Рукавишников В.О. Социальная напряженность: диагноз и прогноз / В.О. Рукавишников // Социологические исследования. – 1992. – № 3. – С. 3 – 23.
7. Серебрянников В. Социальная безопасность России / В. Серебрянников, А. Хлопьев. – М.: ИСПИ РАН 1996. – 352 с.
8. Шоманов А.Ж. Роль гражданского общества и его институтов в регуляции социальной напряженности в условиях современности / А.Ж. Шоманов // Аналитик. – 2004. – № 4. – С. 15 – 19.
9. Яновский Р.Г. Социальная динамика гуманитарных перемен: Социология Шанса для России на достойную и безопасную жизнь ее народов / Р.Г. Яновский. – М.: Книга и бизнес, 2001. – 424 с.